

Автор Буда.Б

Дневник жизни

18+

Б Буда

Дневник жизни

<https://litres.ru/74500784>

SelfPub; 2026

Аннотация

Обычное утро вдруг становится идеальным: завтрак получается безупречным, светофоры загораются вовремя, а жизнь, прежде наполненная усталостью и мелкими неудачами, начинает складываться сама собой.

Но у этого счастья есть цена. Работая в барбершопе среди бесконечных зеркал, герой замечает, что его отражение иногда запаздывает. Затем в памяти появляются провалы, а в дневнике — записи, сделанные его почерком, но чужим голосом. Незнакомец предупреждает: по ту сторону стекла кто-то изучает его привычки, учится жить его жизнью и однажды может занять его место.

Чем лучше становится жизнь героя, тем страшнее вопрос: стоит ли возвращать себе право на собственные ошибки, если тот, другой, умеет быть тобой гораздо лучше?

Содержание

Глава	4
Содержание	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Б Буда
Дневник жизни

Глава

Содержание

ДНЕВНИК ЖИЗНИ*повесть*

Глава 1. Среда

Глава 2. Отражение

Глава 3. Провал

Глава 4. Чужой почерк

Глава 5. Письмо, которое не читали

Глава 6. Возвращение на круги своя

Глава 1

Среда

То было обычное утро среды — обычное настолько, что сама его обычность казалась мне почти оскорбительной, будто тело моё изо дня в день совершало один и тот же ритуал, не спрашивая на то моего согласия. Я проснулся в квартире, которую снимал уже полгода, — комнате, выскобленной до пустоты: раскладной диван, письменный стол со стулом, невысокий комод у стены, ничего лишнего, ничего, что могло бы задержать взгляд и заставить его остановиться на чём-то, кроме меня самого. Солнце вливалось в окно так плотно и так безжалостно, что комната казалась не освещённой, а препарированной — вскрытой светом, как тело на анатомическом столе.

Необычным было то, что я проснулся раньше будильника. Лежал, глядя в белый, ничем не оскорблённый потолок, и не

узнавал собственного тела. Оно лежало подо мной — или, вернее, я лежал в нём, как в чужой одежде, — неподвижным грузом, в то время как нечто, что я по привычке называю душой, ещё блуждало где-то в иных пределах, не спеша вернуться в эту плоть. Должно быть, так ощущается смерть: тело — вещь, оставленная на попечение мира, а ты сам смотришь на неё со стороны, с холодным, почти эстетическим любопытством, и не можешь — да и не хочешь — заставить эту вещь шевельнуться.

Квартира моя располагалась на втором этаже; подо мной не было жильцов — там жила музыка. Танцевальная студия внизу впускала в мой пол чужие ритмы, и иногда я слышал, как девушки там движут своими молодыми, ничего ещё не знающими о тлении телами. Сегодня они начали раньше обычного. Басы поднимались сквозь перекрытия и били меня в грудь, как будто чужое сердце, настойчивое и грубое, вызывало моё собственное на поединок. Этот стук — не музыка, а именно удар, физическое насилие ритма — и вернул меня в тело. Я поднялся.

В ванной комнате зеркало явило мне то, чего я не ожидал увидеть. Исчезли мешки, исчезли тёмные круги, что обычно окружали мои глаза, точно траурная рама, — кожа сияла ровным, почти нечеловеческим светом, хотя я никогда не унижал себя заботой о собственном лице. Из зеркала на меня смотрело существо, отдохнувшее и совершенное, существо, которому некуда было спешить, — и я не узнавал в нём себя

ровно до той секунды, пока не увидел, что оно улыбается. Улыбка эта была мне отвратительна и притягательна одновременно, потому что я всю жизнь тренировал своё лицо в бесстрастии — превращал его в маску, непроницаемую, как лакированное дерево, чтобы никто не смог прочесть меня, — а тут, в тишине ванной, эта маска дала трещину, и из неё выглянуло что-то тёплое, почти беззащитное. Я не знал, как к этому относиться.

Придя в себя, я приготовил завтрак — ритуал, повторённый мною уже сотни раз: три яйца, немного соли, немного масла на раскалённой сковороде. Полгода эта яичница пригорала неизменно, сколько бы масла я ни лил, — будто сама плоть яйца сопротивлялась мне, отказывала мне в праве на совершенство. Сегодня же она получилась идеальной с первого движения лопатки. Тот самый омлет из рецепта, что я так долго не мог покорить, — разделённый надвое, с ветчиной, помидором и сыром внутри, сложенный и уложенный на тост с творожным сыром, — наконец сдался мне. Полгода понадобилось телу, чтобы усвоить простейший навык. Полгода — и одно совершенное утро. Я пролил кофе через дриппакет, и пар поднялся над чашкой, как последнее дыхание какого-то маленького, покорного мне существа.

Одевшись, я вышел из квартиры. У ресепшена я бросил «доброе утро» машинально, не как обращение к живому человеку, а как звук, который тело производит по привычке, не ожидая ответа, — и вдруг получил его. Молодой человек

в тёмно-синем костюме, всегда прежде смотревший сквозь меня, будто я был не плотнее оконного стекла, ответил тем же приветствием. Меня царапнуло изнутри лёгкое, почти неприличное удивление, но я не позволил ему выйти на поверхность лица и вышел на улицу с прежним спокойствием.

На улице солнце слепило так яростно, что я порадовался очкам, спрятавшим глаза от этой избыточной ясности мира. Стояла середина осени; воздух был холоден и чист, как лезвие, — я вдохнул его полной грудью, ощущая, как холод проникает в лёгкие и там, глубоко внутри, встречается с теплом крови. Я вышел чуть раньше обычного и шёл не спеша, позволяя телу двигаться в своём собственном, непривычно спокойном ритме.

Дорога до метро не принесла ничего необычного — десять минут, не больше, если бы не тот перекрёсток, на котором светофор из вечера в вечер, из утра в утро зажигал для меня красный свет, будто нарочно испытывая моё терпение бесконечным ожиданием. Сегодня, стоило мне приблизиться, вспыхнул зелёный, и я перешёл дорогу, не замедлив шага, — точно сам город вдруг решил не чинить мне препятствий.

В метро я привычным движением снял сумку с плеча, готовясь к досмотру, — обычно меня останавливают жестом, безличным взмахом руки, указывающим на ленту, как указывают на жертвенник. Но в это утро меня никто не остановил, и я прошёл прямо к турникету. Приложил карту — и экран показал, что она действительна ещё триста шестьдесят

четыре дня. Кто-то пополнил мой счёт на целый год вперёд. Я не понимал, кто и зачем: обычно я кормил эту карту по пятьсот рублей за раз, каждый раз презирая себя за мелочность, за неспособность заплатить единожды и забыть, хотя прекрасно знал, что так было бы разумнее и дешевле, — но жадность, тёплая и липкая, каждый раз брала верх над разумом.

На платформе никто никого не толкал — все вошли в вагон с почти церемониальным спокойствием, и вагон оказался наполовину пуст, что само по себе было отклонением от привычного порядка вещей. Я сел посередине, лицом к пустому сиденью, чтобы своим присутствием никого не стеснять, — крайние места, как всегда, были заняты чужими, равнодушными ко мне телами. Обычно в дороге я читаю или делаю вид, что сплю, пряча лицо от случайных взглядов. Сегодня я достал книгу японского автора — бестселлер о герое, ищущем смерти, — и попытался читать, но что-то напротив меня снова и снова отрывало взгляд от страницы. Я чувствовал чужой взгляд так отчётливо, как чувствуют прикосновение, но напротив не было никого — только моё собственное отражение в тёмном стекле, лицо, которое я никак не мог разглядеть до конца, как будто оно принадлежало кому-то, кто отказывался быть узнанным до конца.

Всю дорогу мне казалось, что за мной следят. Возможно, это была лишь игра воображения, разыгравшегося оттого, что утро выдалось слишком совершенным: сон, ушедший

вовремя; рецепт, покорившийся наконец; путь, свободный от привычных препятствий. Но мысль о том, что кто-то по неизвестной причине оплатил мне год свободного передвижения по городу, не оставляла меня. Кто? Как? Зачем? Быть может, чья-то ошибка в одной цифре — и чужие деньги легли на мой счёт по недоразумению. И что тогда делать? Пойти и вернуть себе честность, признавшись в чужой ошибке, или же принять этот дар молча и целый год скользить по городу бесплатно, точно призрак, не оставляющий следа? Эта мысль, вместе с ощущением чужого, невидимого взгляда, сопровождала меня всю дорогу до работы.

Выйдя из метро, я, как обычно, направился в кофейню. Я всегда питал к этому месту нечто похожее на привязанность, хотя прежде здесь было интереснее — это довольно крупная сеть в Москве. Здесь работают молодые люди, в которых с первого взгляда угадывается претензия на творчество: татуировки, проколотые уши, волосы неестественных оттенков — таких принято называть неформалами. Впрочем, и я недалеко от них ушёл: моя рука до плеча покрыта тушью, уши проколоты, — но себя я неформалом не считал никогда, ибо неформальность требует веры в собственную исключительность, а я в неё не верил.

Прежде они приветствовали меня без церемоний — «привет, как дела, что сегодня пьём?» — точно мы были давними приятелями, давно перешедшими на «ты». Затем случился какой-то скандал вокруг этой манеры общения, и всё выров-

нялось под общий стандарт: «здравствуйте, что вы будете сегодня пить?» Та едва уловимая теплота, что делала кофейню похожей на дом, исчезла без следа. Но сегодня девушка за стойкой поприветствовала меня по-старому — «привет, как ты? что будешь?» — и во мне шевельнулось удивление, смешанное с почти детской радостью, которую я тут же спрятал за привычным спокойствием лица.

Перед тем как сделать заказ, я по обыкновению разыгрывал видимость знатока спешалти-кофе и спрашивал, что сегодня на фильтре. Мне обычно называли Руанду, Уганду, что-то в этом роде, иногда описывали послевкусие, которое я должен был бы ощутить после глотка. Я же почти вслепую называл то, что хотел выпить, и неизменно обжигал язык первым же глотком, ощущая на нём кислый вкус чёрного кофе, — будто тело моё нарочно наказывало меня за нетерпение.

Бариста спросила, есть ли у меня карта их сети, — я ответил утвердительно и протянул телефон для сканирования. Она была хороша собой, лет двадцати пяти, азиатка неясного происхождения: густые прямые чёрные волосы, тонкие, почти хрупкие черты лица, аккуратный нос, глаза чуть уже, чем у большинства её соплеменниц, безупречно очерченные стрелки. О таких говорят — красавица, светлокожая, будто рождённая к северу от Хуанхэ; я же скорее принадлежал южному, более грубому берегу этой воображаемой реки.

Если коротко описать собственную внешность: тело не

отличается спортивностью, слегка отяжелевшее, кожа лица грубая, испещрённая следами постподростковых лет, когда всё лицо покрывали прыщи, которые я безжалостно давил, оставляя на память глубокие рубцы — свидетельства войны, которую я вёл сам с собой и в которой не было победителя. Обычный молодой человек. Если бы мне пришлось оценивать себя по десятибалльной шкале, я, не колеблясь, поставил бы себе четыре из десяти.

Глава 2

Отражение

Работа моя начинается с зеркал. Это первое, что я усвоил, когда только пришёл учеником в барбершоп: клиент не платит за стрижку — он платит за то время, что проводит наедине со своим отражением, пока моя рука держит ножницы у его виска. Зеркало передо мной — не инструмент ремесла, а алтарь, к которому я подвожу людей одного за другим, и каждый раз, поднимая взгляд от чужого затылка, я неизбежно встречаюсь глазами с собственным лицом, повторённым в стекле уже который час подряд, бесконечно, до тошноты.

С того утра — утра идеального завтрака, зелёного света, оплаченной на год карты — я стал замечать за своим отражением нечто, чему не находил названия. Оно опаздывало. На долю секунды, не больше, — но я, проведший годы в обществе зеркал, знаю их повадки так, как охотник знает повадки зверя, и я видел: когда я поворачивал голову, отраже-

ние чуть медлило, будто в последний миг вспоминало, что обязано повторить моё движение, а не совершить своё собственное.

В тот день ко мне на стрижку пришёл человек, которого я прежде не видел. Немолодой, лет пятидесяти, с лицом настолько невыразительным, что оно казалось нарочно стёртым, — не лицо, а черновик лица. Он сел в кресло, и, прежде чем я успел накинуть на него пелерину, произнёс, глядя не на меня, а в зеркало за моей спиной:

— Вы замечали, что оно двигается не сразу?

Я спросил, что он имеет в виду.

— Отражение, — сказал он спокойно, как говорят о погоде. — Мир, в котором мы с вами сидим, — подделка. Декорация, выстроенная наспех, чтобы удержать нас здесь, пока настоящие мы заняты чем-то другим, в другом месте. А там, по ту сторону стекла, — он смотрит на нас. Ждёт. Копит наши движения, наши привычки, пока не наберёт достаточно, чтобы шагнуть сюда и занять наше место, а нас — вытолкнуть туда, в стекло, откуда возврата уже не будет.

Я улыбнулся ему той профессиональной улыбкой, которой улыбаются парикмахеры сумасшедшим клиентам, — вежливой, ничего не обещающей, — и принялся стричь. Но пальцы мои, помимо воли, стали чуть менее уверенными, и, подняв глаза к зеркалу в поисках линии на его виске, я на мгновение — на одно только мгновение — увидел, что моё собственное отражение смотрит не на клиента, а прямо на

меня, с выражением, которого на моём лице никогда не бывало: с выражением голода.

Я потрянул головой, и наваждение прошло. Отражение снова стало послушным, снова следовало за мной, как привязанная тень. Но с того дня я начал бояться зеркал по-настоящему — не суеверным, детским страхом, а тем взрослым, холодным ужасом, который приходит, когда понимаешь, что твой враг терпелив, а ты сам — нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.